

Павел Глушаков

«...на выпуклой поверхности оптического стекла»

(ИСТОРИКО - ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАМЕТКИ)

Эффект «просвечивающих предметов» — текстов, сквозь которых виден другой текст, — замечен давно. Конечно, увиденные в таком ракурсе явления не столько отображаются, сколько искажаются. Из большого числа такого рода примеров здесь представлены только те, которые так или иначе настраивают перспективную оптику не только в пределах изящной словесности, но и выходят за границы литературы, указывая на возможные социальные и даже политические контексты.

*

После пушкинского «Зимнего вечера» («Выпьем, добрая подружка / Бедной юности моей, / Выпьем с горя; где же кружка? / Сердцу будет веселей») русская поэзия навсегда запомнила, что, собственно, из кружки пьют с горя, и подхвачено это было другим широко известным текстом — стихотворением Михаила Исаковского «Враги сожгли родную хату...»:

И пил солдат из медной кружки
Вино с печалью пополам.

*

У гоголевского чиновника из «Женитьбы», нереализованного жениха с фамилией, «что только плюнешь да перекрестишься, коли услышишь», Ивана Павловича Яичницы есть, возможно, литературный внук — еще более несчастный в личной жизни. Это чиновник Желтков из купринского «Гранатового браслета», жалкий «человек со смешной фамилией». То, что Желтков — ономастический вариант Яичницы, кажется очевидным, однако «гоголевские приметы», видимо, есть и в отдаленных фрагментах купринского текста. Так, товарищ прокурора носит гоголевскую фамилию Мирза-Булат-Тугановский (дальний привет городничему Сквозник-Дмухановскому), а в бедном жилище Желткова стол покрыт «цветной малороссийской скатертью», выглядящей как визуальный оммаж Гоголю.

*

Четыре пушкинские параллели к «Двенадцати» Блока.

I. «Евгений Онегин»

Белый снег. <...>

На ногах не стоит человек. <...>

У тебя на шее, Катя,

Шрам не зажил от ножа.

Татьяна в лес; медведь за нею.
Снег рыхлый по колено ей!
То длинный сук ее за шею
Зацепит вдруг...

II. «Капитанская дочка»

Ты леги, буржуй, воробышком!
Выпью кровушку
За зазнобушку,
Чернобровушку...

«...нет, брат ворон; чем триста лет питаться
падалью, лучше раз напиться живой кровью,
а там что бог даст!»

III. «Медный всадник»

Утек, подлец! Ужо, постой,
Расправлюсь завтра я с тобой!

«Добро, строитель чудотворный! —
Шепнул он, злобно задрожав, —
Ужо тебе!..»

IV. «Борис Годунов»

В очи бьется
Красный флаг.

<...>
И мальчики кровавые в глазах...

*

Из диалога двух текстов: «Двенадцать» и «Ревизор».

Стоит буржуй, как пес голодный,
Стоит безмолвный, как вопрос. <...>

«Немая сцена.

Городничий посередине в виде столпа с распростертыми руками и закинутой назад головой. По правую сторону его: жена и дочь с устремившимся к нему движением всего тела; за ними почтмейстер, превратившийся в вопросительный знак, обращенный к зрителям <...>».

-
- 1 Ср. с той же Пятой главой: «То в хрупком снеге с ножки милой / Увязнет мокрый башмачок...» («Евгений Онегин») и «Да в сугробы пуховые — / Не утянешь сапога...» («Двенадцать»). Или: «Она бежит, он всё вослед: / И сил уже бежать ей нет. // Упала в снег; медведь проворно / Ее хватает и несет...» («Евгений Онегин») и «Под снежком — ледок. / Скользко, тяжело, / Всякий ходок / Скользит — ах, бедняжка! <...> Вон барыня в каракуле <...> Поскользнулась / И — бац — растянулась! / Ай, ай! / Тяни, подымай!» («Двенадцать»).

*

При чтении знаменитого блоковского стихотворения не покидает ощущение, что что-то отдаленно похожее было уже заявлено в другом «предсказательном» тексте:

Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи ещё хоть четверть века —
Всё будет так. Исхода нет.

И действительно: оптика взгляда сквозь *искажающее стекло*, а также заявленный (правда, иной) временной промежуток, поданный, в отличие от Блока, в позитивном ключе, — все это на слуху в «вещих» словах Гоголя: «Он более всех, он далее раздвинул ему границы и более показал всё его пространство. Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русской человек в его развитии, в каком он, может быть, явится чрез двести лет. В нем русская природа, русская душа, русской язык, русской характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла»².

Так, возможно, в блоковских строках выражено сомнение в пророческих словах Гоголя и «чистоте» его предсказательной оптики³.

*

Одна гоголевская параллель к финалу «Защиты Лужина» Набокова.

«С трудом сдерживая тяжкое свое дыхание, Лужин опустил на пол стул и попробовал высунуться в окно. Большие клинья и углы еще торчали в раме. Что-то полоснуло его по шее, он быстро втянул голову обратно, — нет, не пролезть. <...> Подняв руку, он рванул раму, и она отпахнулась. <...> Уцепившись рукой за что-то сверху, он боком пролез в пройму окна. Теперь обе ноги висели наружу, и надо было только отпустить то, за что он держался, — и спасен. <...>

Дверь выбили. «Александр Иванович, Александр Иванович!» — заревело несколько голосов. Но никакого Александра Ивановича не было»⁴.

Подколесин. <...> А будто в самом деле нельзя уйти? Как же, натурально нельзя: там в дверях и везде стоят люди; ну, спросят: зачем? Нельзя, нет. А вот окно открыто; что, если бы в окно? Нет, нельзя; как же, и неприлично, да и высоко. (*Подходит к окну.*) Ну, еще не так высоко: только один фундамент, да и тот низенький. Ну нет, как же, со мной даже нет картуза. Как же без шляпы? неловко. А неужто, однако же, нельзя без шляпы? А что, если бы попробовать, а? Попробовать, что ли? (*Становится на окно и, сказавши: «Господи, благослови», — соскакивает на улицу; за сценой крихтит и охает.*) Ох! однако ж высоко! <...>

---

2 Гоголь Н.В. Несколько слов о Пушкине // Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: [В 14 т.]. Т. 8. [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1952. С. 50.

3 А началось все, видимо, пушкинским «Я сквозь магический кристалл / Еще неясно различал» и подхвачено было в «Дяде Ване»: «...мы увидим все небо в алмазах...»

4 Набоков В.В. Русский период // Набоков В.В. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. СПб.: Симпозиум, 2004. С. 465.

«...на выпуклой поверхности оптического стекла»...

Агафья Тихоновна. Иван Кузьмич у вас? <...>
Кочкарев. <...> Как же — и нет, и не ушел? <...> Иван Кузьмич! где ты? <...>
Дуняшка. Да оне-с выпрыгнули в окошко⁵.

*

«Черный человек» Есенина и «Разговор с товарищем Лениным» Маяковского:

Ах ты, ночь!
Что ты, ночь, наковеркала?
Я в цилиндре стою.
Никого со мной нет.
Я один...
И — разбитое зеркало...
(1925)

Грудой дел,
суматохой явлений
день отошел,
постепенно стемнев.
Двое в комнате.
Я
и Ленин —
фотографией
на белой стене.
(1929)

*

Диалог двух поэтов.

В. Маяковский «Разговор с фининспектором о поэзии» (1926):

Поэзия —
та же добыча радия.
В грамм добыча,
в год труды.
Изводишь
единого слова ради
тысячи тонн
словесной руды.

А. Блок, запись от 6 марта 1914 г.:

«Во всяком произведении искусства (даже в маленьком стихотворении) — больше не искусства, чем искусства.

---

5 Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: [В 14 т.]. Т. 5. [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1949. С. 59—60.

Искусство — радий (очень малые количества). Оно способно радиоактивировать все — самое тяжелое, самое грубое, самое натуральное: мысли, тенденции, “переживания”, чувства, быт. Радиоактивированью поддается именно живое, следовательно — грубое, мертвого просветить нельзя»⁶.

*

Из переключек поэтов: Константин Батюшков и Борис Пастернак.

«Он принадлежит исключительно великой, всеобъемлющей природе, поэтому ему ненавистно все, что напоминает обывательские правила и порядок. Поэтому он спрашивал сам себя несколько раз во время путешествия, глядя на меня с насмешливой улыбкой и делая рукой движение, как будто бы он достает часы из кармана: “Который час?” — и сам отвечал себе: “Вечность”»⁷.

В кашне, ладонью заслонясь,
Сквозь фортку крикну детворе:
Какое, милые, у нас
Тысячелетье на дворе?

(«Про эти стихи»)

*

Знаменитая «Девушка с веслом» (скульптура И. Шадра и ее массовые вариации) сравнительно хорошо описана: для интерпретации этой композиции обращались к «водному мифу» и фрейдистским ассоциациям⁸. Между тем, такая *твердокаменная* серьезность, кажется, может быть поставлена под сомнение, ведь скульптура была установлена спустя год после объявления Москвы «городом пяти морей». Однако «Девушка с веслом» находилась все же не у моря, а украшала собой всего лишь фонтан парка имени Горького и воспринималась вовсе не как морской символ (для в большинстве своем никогда не бывавших у настоящего моря столичных жителей), а как субститут известного факта, что «жить стало лучше, жить стало веселее».

Весь этот комплекс идей, увенчанный «счастьем народным», содержится в гомеровской «Одиссее» (пер. В. А. Жуковского, песнь двадцать третья):

<...> Прорицатель Тиресий сказал мне: «Покинув
Царский свой дом и весло корабельное взявши, отправься
Странствовать снова и странствуй, куда людей не увидишь,
Моря не знающих, пищи своей никогда не солящих,
Также не зревших еще на водах кораблей быстроходных,
Пурпурногрудых, ни весел, носящих, как мощные крылья,
Их по морям. От меня же узнай несомнительный признак;

6 Блок А.А. Записные книжки: 1901–1920. М.: Художественная литература, 1965. С. 213–214.

7 Запись А. Дитриха цит. по: *Батюшков К.Н. Сочинения: художественная литература*. Т. 1. СПб.: Б.и., 1887. С. 342.

8 См., например: *Золотоносов М. Глуттократоэ. Исследование немого дискурса. Аннотированный каталог садово-паркового искусства сталинского времени*. СПб.: ИНАПРЕСС, 1999. С. 20–29.

Если дорогой ты путника встретишь и путник тот спросит:
«Что за лопату несешь на блестящем плече, иноземец?» —
В землю весло водрузи — ты окончил свое роковое,
Долгое странствие.

*

Если задуматься, то у Булгаковского «Собачьего сердца» есть предшественник — пьеса (точнее, по авторскому определению, «роман-фантазия») Б. Шоу «Пигмалион», где профессор (правда, не медицины, а фонетики⁹) создает существо по собственному замысленному образцу, делая один из первых документализируемых экспериментов¹⁰ «по улучшению» человека, с той лишь разницей, что у Шоу описано «восхождение» к «благородному» человеку, а у Булгакова явлен обратный процесс. Но оба варианта ставят в тупик самих создателей новых существей: «М и с с и с Х и г г и н с. <...> Полковник Пикеринг, неужели вы не понимаете, что в тот день, когда Элиза переступила порог дома на Уимпол-стрит, с нею вместе вошло еще кое-что.<...>

П и к е р и н г. Но что же? Что?

М и с с и с Х и г г и н с <...> Проблема! <...> Проблема в том — что делать с Элизой после?»

Сравните с монологом профессора Преображенского: «Мое открытие, черт б его съели, с которым вы носитесь, стоит ровно один ломаный грош... Да не спорьте, Иван Арнольдович, я все ведь уже понял. Я же никогда не говорю на ветер, вы это отлично знаете. Теоретически это интересно, ну, ладно. Физиологи будут в восторге... Москва беснуется... Ну, а практически что? Кто теперь перед вами?»

Сам Шоу так характеризовал свою пьесу: «“Пигмалион” — это насмешка над поклонниками “голубой крови”¹¹... <...> Каждая моя пьеса была камнем,

---

9 На это обратила внимание М. Степанова в статье «Казус Хиггинса — Преображенского» (Коммерсантъ Weekend. 2013. № 37. С. 30).

10 Сравните: «П и к е р и н г (*привдвигаясь к миссис Хиггинс и даже наклоняясь к ней*). Да, это поразительно интересно. Уверяю вас, миссис Хиггинс, мы относимся к Элизе чрезвычайно серьезно. Каждую неделю — какое там! — почти каждый день в ней происходит новая перемена. (*Привдвигается еще ближе.*) Мы фиксируем каждую стадию... Сотни записей и фотографий...

Х и г г и н с (*атакуя с другой стороны*). Черт побери, да это самый увлекательный эксперимент, какой мне приходилось ставить» («Пигмалион») — и: «Вечером появился первый лай (8 ч. 15 мин.). Обращает внимание резкое изменение тембра и тона (понижение). Лай вместо слова “гау, гау” на слог “а-о”. По окраске отдаленно напоминает стон. <...> Фотографирован утром. Отчетливо лает “Абыр”, повторяя это слово громко и как бы радостно. <...> Сегодня, после того, как у него отвалился хвост, он произнес совершенно отчетливо слово “пив-ная”. Работает фонограф. <...> ...Перемена гипофиза дает не омоложение, а полное о ч е л о в е ч е н и е (подчеркнуто три раза). От этого его изумительное, потрясающее открытие не становится ничуть меньше» («Собачье сердце»).

11 Сравните с размышлениями Преображенского: «Можно, конечно, привить гипофиз Спинозы или еще какого-нибудь такого лешего и соорудить из собаки чрезвычайно высоко стоящего. Но на какого дьявола, спрашивается. Объясните мне, пожалуйста, зачем нужно искусственно фабриковать Спиноз, когда любая баба может его родить когда угодно. Ведь родила же в Холмогорах мадам Ломоносова этого своего знаменитого. Доктор, человечество само заботится об этом и в эволюционном порядке

который я бросал в окна викторианского благополучия»¹². Не отсюда ли родился эпизод «Собачьего сердца», в котором «гражданин Шариков» швырялся камнями по стеклам квартиры, нарушая благополучие, правда, уже не викторианских, а советских граждан: «— В кота? — спросил Филипп Филиппович, хмурясь, как облако.

— То-то, что в хозяина квартиры. Он уж в суд грозился подать».

Остается только добавить, что «Собачье сердце» написано в 1925 году и именно в этом году «Пигмалион» впервые был поставлен на советской сцене Малым театром.

*

Рассказ Л. Пантелеева «Честное слово» (1941) — одно из известнейших произведений писателя. Авторская мораль изложена в финале рассказа: «Мальчик, у которого такая сильная воля и такое крепкое слово, не испугается темноты, не испугается хулиганов, не испугается и более страшных вещей.

А когда он вырастет... Еще не известно, кем он будет, когда вырастет, но кем бы он ни был, можно ручаться, что это будет настоящий человек»¹³.

Среди образных ориентиров рассказа, видимо, можно назвать сказку Андерсена «Стойкий оловянный солдатик», картину В. Верещагина «На Шипке все спокойно». Но ближе всего, кажется, находится эпизод, о котором «с увлечением» рассказывал Ю. Тынянов: «...случай с царским солдатом, охранявшим голое поле: артиллерийский склад, бывший здесь некогда, упразднили, но приказ о снятии поста забыли отдать»¹⁴. Рассказ этот, видимо, имеет ту же историко-апокрифическую основу, что и анекдоты, которые легли в основу «Подпоручика Кижж». Так что воспитательно-педагогическая значимость рассказа Пантелеева укоренена в сюжетах об абсурде и слепом подчинении.

*

Две апокрифические выписки.

«Опасность, грозившая русской столице, была очевидной. <...> В это же время некоего майора Батурина стал преследовать один и тот же таинственный сон. Во сне он видел себя на Сенатской площади рядом с памятником Петру Великому. Вдруг голова Петра поворачивается, всадник съезжает со скалы и по петербургским улицам направляется к Каменному острову, где жил в то время император Александр I. Бронзовый всадник въезжает во двор Каменноостровского дворца, из которого навстречу ему выходит озабоченный государь. “Молодой человек, до чего ты довел мою Россию, — говорит ему Петр Великий...”»¹⁵

каждый год, упорно выделяя из массы всякой мрази, создает десятками выдающихся гениев, украшающих земной шар».

12 Цит. по: *Майский И. Б.* Шоу и другие: воспоминания. М.: Искусство, 1967. С. 28.

13 *Пантелеев Л.* Честное слово: рассказы. М.: Детская литература, 1968. С. 9.

14 Цит. по: *Тоддес Е.* Послесловие // Тынянов Ю.Н. Подпоручик Кижж. М.: Книга, 1981. С. 200 (с отсылкой к книге «Глубокий экран»: *Козинцев Г.М.* Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. Л.: Искусство, 1982. С. 103).

15 *Синдаловский Н.* История Петербурга в преданиях и легендах. М.; СПб.: Центрполиграф, 2016. С. 344.

«На седьмой день войны фашистские войска заняли Минск. <...> Сталин был очень удручен. Когда вышли из наркомата, он такую фразу сказал: “Ленин оставил нам великое наследие, а мы, его наследники, все это просрали...”»¹⁶

*

В 1826 году Пушкин пишет Вяземскому: «Твои стихи к Мнимой Красавице (ах, извини: Счастливице) слишком умны. — А поэзия, прости Господи, должна быть глуповата».

Спустя столетие Сталин (если верить записям бесед Ф. Чуева с Молотовым) сказал Демьяну Бедному: «— Вы знаете, почему вы плохой поэт? Орденосный Демьян не ожидал такого. — Потому что поэзия должна быть грустновата, — закончил Сталин»¹⁷.

*

«...Сталин, помнится, сказал во время войны: “Я знаю, что после моей смерти на мою могилу нанесут кучу мусора, но ветер истории безжалостно развевает её!”»¹⁸

Городничий. <...> Ах, боже мой! я и позабыл, что возле того забора навалено на сорок телег всякого сору. Что это за скверный город! только где-нибудь поставь какой-нибудь памятник или просто забор — черт их знает откуда и нанесут всякой дряни! (*Вздыхает.*)¹⁹

*

В советском номенклатурно-бюрократическом языке существовало знаменательное выражение «Надо посоветоваться с товарищами», означавшее, что вопрос откладывался до той поры, когда вышестоящее начальство примет свое окончательное решение. Между тем уникальный пример «высшего совета» сохранился в стенограмме XXII съезда КПСС, когда старая большевичка Д.А. Лазуркина рассказала делегатам о следующем: «Я всегда в сердце ношу Ильича и всегда, товарищи, в самые трудные минуты, только потому и выжила, что у меня в сердце был Ильич и я с ним советовалась, как быть. (*Аплодисменты.*) Вчера я советовалась с Ильичем²⁰, будто бы он передо мной как живой стоял и сказал: мне неприятно быть рядом со Сталиным, который столько бед принес партии. (*Бурные, продолжительные аплодисменты.*)»²¹

---

16 Микоян А.И. Так было. М.: Вагриус, 1999 (<http://militera.lib.ru/memo/russian/mikoyan/04.html>).

17 Чуев Ф.И. Молотов: Полудержавный властелин. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 668.

18 Там же. С. 396.

19 Гоголь. «Ревизор». Действие первое, явление пятое.

20 По всей вероятности, в «партийном языке» это было уже устойчивое сочетание; см.: «...милая и даже симпатизировавшая мне Елена Яковлевна, двенадцать лет тому назад просто инструктор, а десять лет спустя уже председатель парткомиссии, учила меня уму-разуму и удивлялась тому, что я давно не перечитывал Ленина (“Как? В тяжелые минуты своей жизни я всегда обращаюсь за советом к Владимиру Ильичу...”»)» (*Некрасов В.* Записки зеваки. М.: Вагриус, 2003. С. 113). Предельный вариант дан в кинокартине Ю. Озерова «Битва за Москву» (1985), где в октябрьские дни 1941 года на предложение Калинина «не подвергать опасности жизнь товарища Сталина» и эвакуироваться сам вождем отвечает: «Я посоветуюсь с товарищем Сталиным».

21 XXII съезд КПСС. Стенографический отчет. Т. III. М.: ГИПЛ, 1962. С. 121.

*

В фатальном для себя выступлении 1971 года (вызвавшем докладную записку председателя КГБ в ЦК) Сергей Параджанов говорил: «Человек, который высказывался о картине “Цвет граната”, — один из секретарей ЦК Армении, который в прошлом был полотером и был выдвинут на руководящую должность в связи с определенным талантом. Он, посмотрев эту картину, сказал о том, что это удивительная картина, но в ней очень много мастики. Я долго не понимал, почему именно мастики. А потом мне перевели его переводчики, которые все время его сопровождают и редактируют, что это “мистика”...»²²

Зная об игровой натуре режиссера, можно предположить, что вызвавшая, согласно записке Ю. Андропова, «возмущение большинства присутствующих» новелла была просто отсылкой к известному эпизоду из кинокартины «Я шагаю по Москве»: вставному эпизоду о полотере (в исполнении В. Басова), выдающем себя за писателя²³ и осуждающем героя за лакировку действительности.

*

Одна случайная выписка. В.П. Некрасов рассказывает о борьбе диссидента С. Глузмана с системой подавления личности в советских лагерях: «30 сентября Глузман направил письмо академику Снежневскому по поводу содержания в лагере абсолютно невменяемого Бружаса. 1 октября в зону был вызван консультант-психиатр, впервые осмотревший Бружаса».

Неравная борьба продолжается до тех пор, пока в хронике сопротивления не появляется следующая лаконичная запись: «20 октября по рапорту Чайки наказан Глузман»²⁴.

*

Существует предположение, что история с потерей (или кражей) романа (пьесы) Венедикта Ерофеева «Шостакович» является не более чем выдумкой писателя²⁵. Желание мифологизировать (не) произошедшее на Курском вокзале в Москве (или в поезде, отправившемся от этого вокзала) может быть объяснено следующим обстоятельством: в 1883 году, возвращаясь с Курского вокзала, потерял чемодан с рукописями и корректурами Лев Толстой²⁶. Так могли соединиться найденный чемодан Толстого и ерофеевская авоська с двумя бутылками бормотухи.

---

22 Григорян Л.Р. Параджанов. М.: Молодая гвардия, 2011. С. 192. (ЖЗЛ).

23 Образ этот, олицетворяющий «человека из народа», заставляет писателя признаться: «Я сам боюсь его».

24 Некрасов В. Записки зеваки. М.: Вагриус, 2003. С. 228.

25 См. мнение сына писателя: «Я считаю, что “Шостакович” — это миф! Не было его никогда, и никогда Ерофеев его не писал! Он ведь очень любил мистифицировать свою жизнь, и эта якобы пьеса — как раз один из наиболее показательных примеров такой мистификации!» (Реакция. 2007. № 7).

26 См. письмо к Н.Н. Страхову (Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М.: Гос. изд., 1934. Т. 63. С. 142—143). Происшествие также отражено в: Гусев Н.Н. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. 1828—1890. М.: ГИХЛ, 1958. С. 566.

*

У советского поэта Николая Старшинова есть стихотворение «Эти годы — как в сиреневом дыму...» (1980) о детской «нелепой мечте»:

А хотелось мне тогда сильнее всего —
Мол, надейся, мол, давай не унывай! —
Чтобы в наше неприметное село
Из Москвы самой пустили бы трамвай!

В этих экстравагантных, но в чем-то даже наивно-симпатичных строках не было бы ничего необычного, если бы не финал стихотворения, в котором появились образы «громыхающего трамвая», всадника «на белом скакуне» и какого-то, кажется, очень искреннего удивления от образов, реализовавших мечту лирического героя:

И не знаю я — с чего бы это мне
Так хотелось — не во сне, а наяву —
Утром въехать не на белом скакуне —
На трамвае громыхающем в Москву...

Ну, казалось бы — тщета и суета,
Ну, казалось бы — ни сердцу, ни уму...
Но жила во мне такая вот мечта,
Я и сам не понимаю — почему.

Неподдельное удивление, думается, сопровождает и читателей стихотворения, явственно ощутивших, что гумилевский «Заблудившийся трамвай» промчался и по этому «неприметному селу»:

Чтоб, распутивая уток и курей,
Громыхал он, краснобок и неуклюж,
Всё быстрее, всё быстрее, всё быстрее
Меж белеющих садов и синих луж!..²⁷

*

На референдум 1993 года были вынесены четыре вопроса. Президентские политтехнологи запустили ритмически-запоминающийся лозунг «Да-Да-Нет-Да», соответствовавший желательным ответам голосующих. Верующие же люди могли услышать в этом слогане отголосок известных слов: Но да будет слово ваше: «да, да»; «нет, нет»; а что сверх этого, то от лукавого (Мф. 5:37)²⁸.

*

Альбер Камю, «Лекция 14 декабря 1957 года»: «Любой художник обязан сегодня плыть на галере современности. Он должен смириться с этим, даже если

---

27 Старшинов Н. Избранные произведения: В 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1989. С. 373.

28 Именно такой (да-да-нет-нет) результат и получился в итоге голосования (благодарю за это указание А.А. Правдухина).

считает, что это судно насквозь пропахло сельдью, что на нем чересчур много надсмотрщиков и что вдобавок оно взяло неверный курс. Мы находимся в открытом море. И художник наравне с другими обязан сидеть за веслами, стараясь, насколько это возможно, не умереть, то есть продолжать жить и творить»²⁹.

В.В. Путин, пресс-конференция от 14 февраля 2008 года: «Все эти восемь лет я пахал как раб на галерах: с утра до ночи. И делал это с полной отдачей сил»³⁰.

*

Фоторабота «Эра милосердия» (2004) арт-группы «Синие носы», вызвавшая громкий скандал из-за «недопустимого» изображения двух целующихся одетых в милицейскую форму мужчин на фоне зимнего пейзажа, заставляет вспомнить стихотворение Геннадия Шпаликова «В Ленинграде» с тем же, в сущности, «гуманистическим посылом»:

Любимая, все мостовые,
Все площади тебе принадлежат,
Все милиционеры постовые
У ног твоих, любимая, лежат.

Они лежат цветами голубыми
На городском, на тающем снегу. <...>³¹

*

Когда толпа вооруженных людей окружила карету князя Верейского и жены его Марьи Кирилловны, последняя, как известно, отвечала на предложенную ей Дубровским свободу отказом, а затем, видя потрясение Владимира Андреевича, объяснила свое решение: «— Я согласилась, я дала клятву, — возразила она с твердостью, — князь мой муж...»

Признаться, несмотря на ремарку «с твердостью», слова Марьи Кирилловны прозвучали все же как-то странно, «неловко» даже с точки зрения лингвистической: явственная инверсивность и фонетическая «труднопроговариваемость» и «сконструированность» фразы только подчеркнула неестественность и искусственность ее положения и «рифмовалась» разве только с аналогично искусственно сконструированным — «князь мой муж» / «Дыр бул щыл»³².

---

29 Камю А. Изнанка и лицо. М.; Харьков: Эксмо-Пресс; Фолио, 1998. С. 632.

30 <https://www.youtube.com/watch?v=EpylRANpno>.

31 Шпаликов Г.Ф. Стихи. Песни. Сценарии. Роман. Рассказы. Наброски. Дневники. Письма. Екатеринбург: У-Фактория, 1998. С. 52.

32 Любопытно, что в декларации Хлебникова и Крученых «Слово как таковое» при упоминании «Дыр, бул, щыл» возникает именно пушкинская тема: «Кстати, в этом пятистишии более русского национального, чем во всей поэзии Пушкина» (см. подробнее: Левинтон Г.А. Заметки о зауми. 1. *Дыр, бул, щыл* // Антропология культуры. Вып. 3. М.: Новое издательство, 2005. С. 162).